

Священник Хилдо Бос и Православие в Голландии

Апостол Павел писал: «Во Христе нет ни эллина, ни иудея» (Кол. 3:11). А потому, нет никаких препятствий, чтобы вместе, в Истинном Духе поклоняться Христу. В любой точке мира, в любом городе и на любом приходе православные чувствуют себя как дома. Непостижимым образом Господь переплетает как судьбы человеческие, так и судьбы целых нардов. И тогда родными становятся все: греки, сербы, болгары, англичане, голландцы…

О том, как Православие в далёкой Голландии связано с Россией и Русской Церковью и как голландцы по происхождению становятся священниками Московского Патриархата, рассказал отец Хилдо Бос на встрече, состоявшейся 22 марта в актовом зале прихода преподобного Серафима Саровского города Казани.

Никогда не мог верить в то, что жизнь прекращается в момент смерти

Я – голландец, вырос в Голландии. Мой дедушка был пастором Кальвинистской церкви, а мама придерживалась протестантских взглядов. В 60-х годах она, как и многие, отошла от Церкви, однако верить не перестала. Таким образом, вера всегда присутствовала в нашей семье. Мой выбор в пользу Православия обусловлен двумя причинами. Во-первых, на меня оказала влияние русская культура. В лицее я долго не мог определиться, какой иностранный язык изучать, пока не познакомился с фильмами Тарковского, отличавшимися каким-то особенным подходом к жизни и к вечности, который меня привлекал.

Во-вторых, на меня оказали влияние встречи со смертью. Я – альпинист, терявший близких друзей. Несколько раз и сам был при смерти. Когда я падал вниз, то понимал, что смерть – это очень печально, особенно для родителей, но что там, куда сейчас иду, очень хорошо. Я никогда не мог верить в то, что жизнь прекращается в момент смерти. Это была какая-то внутренняя глубокая уверенность, и фильмы Тарковского перекликались с моими переживаниями. Именно поэтому я выбрал русский язык при поступлении на филологический факультет. В 1989 году я посетил Советский Союз, где пообщался с верующими (что тогда далеко не было очевидно). Таковым было моё знакомство с Православием.

Долгое время я думал, что именно так я и пришёл к Православию, однако потом я обнаружил в своих бумагах детский рисунок, который сделал в возрасте 10-ти лет. На нём изображены двое монахов с иконой. И тогда я вспомнил, что у моей мамы была сестра, которая тоже покинула Протестантскую церковь. Она уехала во Францию, где приняла католичество. Там она стала помощницей одной французской дамы, Мари-Мадлэн Дави, знавшей многих русских эмигрантов, в том числе Владимира Лосского, и сотрудничавшей с протопресвитером Александром Шмеманом. Эта дама сказала моей тёте, что ей нужно сделать выбор духовного пути – между семейной жизнью и Богом. И чтобы помочь, направила её к одному русскому монаху, жившему под Парижем. Этим монахом был архимандрит Софроний (Сахаров), келейник преподобного Силуана Афонского. Он выслушал мою тётю и сказал, что замужество не мешает религиозной жизни. Наверное, она рассказывала в детстве мне эту историю, поэтому мне кажется, что я не переходил в Православие, а просто возвратился домой. Православие я принял в 1990 году в Новгородской области. Мне на жизненном пути часто встречались хорошие люди, которые меня направляли. Благодаря молодёжной деятельности я познакомился со своей женой, дедушка которой был русским священником-эмигрантом[1].

Сейчас я служу в единственном русском православном храме в Амстердаме – церкви во имя

святителя Николая Чудотворца. Кроме того, работаю переводчиком-синхронистом – это моя светская специальность.

«Мы, православные, Церковь всех времен и народов»

Православие как таковое появилось в Голландии ещё до раскола. В III веке с юга пришли римские воины, среди которых были и христиане, например, Серватий Маастрихтский – близкий друг Афанасия Великого. Однако после ухода римских войск община христиан в Голландии прекратила существование.

В VI–VIII веках в Голландию прибыли миссионеры из Англии, мощи которых мы тоже почитаем до сих пор.

После раскола 1054 года Голландия осталась на Западе, в католическом мире, и вплоть до XVII века в стране не было общин православных христиан. В XVII веке в Голландию приезжают на учёбу греки из Османской империи, в числе которых был ближайший помощник будущего Патриарха Константинопольского Кирилла Лукариса. В 1698 году Голландию посетил Пётр I. Практически каждый день его пребывания подробно описан, поэтому мы знаем, что были богослужения и на дому, и на барже. В домике в Заандаме, где жил царь, устроили молельную комнату. Отправляясь домой, Пётр I оставил священника, который окормлял русских, оставшихся на практику. Так в стране появилась первая православная община. Потом, как мы знаем, в Россию уехали и практиканты со священником. Пётр I вернулся через 15 лет – со свитой, певчими, диаконами и священниками, и богослужения возобновились. А через несколько лет русские моряки и греческие купцы основали в Голландии первую православную церковь. В центре Амстердама в небольшом домике на третьем этаже появилась церковь, освящённая во имя святой великомученицы Екатерины. Эта небольшая община, состоявшая из русских и греков, просуществовала до второй половины XIX века. Ей интересовались голландские учёные, изучавшие православное богослужение. В XIX веке Литургию перевели на голландский язык.

Более крупная община православных появилась в Голландии 200 лет назад, когда в 1816 году будущая королева Нидерландов Анна Павловна вышла замуж за принца Оранского. Сначала супруги поселились в Брюсселе, а затем в Гааге. Анна Павловна была очень набожным человеком: при ней всегда были священник, диакон, певчие и пономари. В каждом своём дворце она открыла церкви. Когда Анна Павловна узнала об амстердамском храме, она стала оказывать ему покровительство. Мы знаем, что в день своей коронации она перед самим торжеством отправилась в эту церковь, где отслужили молебен.

До наших дней сохранился храм в честь святой Марии Магдалины, основанный Анной Павловной. Сохранился и приходской архив, самая ранняя запись в котором датируется 1816 годом. Надо сказать, что эту церковь посещали не только русские. При разборе архива мы обнаружили брачные документы русских, сербов, греков и даже голландцев, принявших Православие. Мы знаем, что голландцы начали принимать Православие ещё при Петре I, лекарь которого был православным. Анна Павловна лично награждала и наказывала священников, служивших в этом храме. Сохранилось письмо священника, который умолял Анну Павловну отпустить его в Россию. Он утверждал, что суровый голландский климат загубил его здоровье. В таком состоянии община просуществовала до 1917 года.

После Октябрьской революции Русская Церковь находилась под игом советской власти, поэтому община верующих перешла под юрисдикцию митрополита Евлогия (Георгиевского), подчинявшегося Константинопольскому Патриархату. В Голландию тогда прислали молодого священника, учившегося в Париже, – Дионисия Лукина. Он активно занялся миссией: начал

перевод богослужения на голландский язык. Православием заинтересовались некоторые голландцы, которых не до конца устраивали католические и протестантские традиции. В результате община стала увеличиваться: прихожан стало больше, а двое католических монахов перешли в Православие и решили основать монастырь. Монахи мечтали возродить в Голландии православную веру, существовавшую до раскола церквей. Нужно отметить, что в то время в среде некоторых русских эмигрантов стала зарождаться идея, что Православие может выражаться в разных культурных формах.

Владимир Лосский и другие основатели в Париже братства святого Фотия в составе Московского Патриархата говорили в своем манифесте: *«Мы заявляем, что Православная Церковь есть единая истинная Церковь Христова; Что это не только восточная церковь, но Церковь всех народов земли, Востока, Запада, Севера и Юга; Что каждый народ, каждая нация имеет право занять свое личное место в Православной Церкви, иметь свою каноническую автокефалию, при сохранении своих традиций и ритуалов, своего литургического языка. Объединенные каноническими догматами и принципами, Церкви соединяются с людьми, живущими в данной стране».* То есть: «раз, по воле Божией, мы живем теперь во Франции, то будем строить Православие, которое вписывается в эту культуру». Эту идею также поддерживал святитель Иоанн (Максимович), поэтому двое монахов, обосновавшиеся в Гааге, перешли под юрисдикцию владыки Иоанна. Святитель много раз приезжал к ним, когда был экзархом Западной Европы. Он помогал им с переводами, объяснял особенности православного богослужения, поэтому память о нём до сих пор жива. Затем в Голландию стали приезжать на заработки греки и сербы, и православные приходы стали появляться по всей стране.

Ещё нужно отметить, что русских после революции в Голландию приехало очень мало, так как голландцы тогда почти никого не пускали. В середине XX века в стране доминировали голландскоязычные приходы, и у русских было ощущение, что их община вымирает. Им казалось, что из России больше никто не приедет, поэтому они стали дарить другим храмам церковную утварь из гаагского храма, основанного Анной Павловной. Слава Богу, несколько лет назад нашёлся человек, который отыскал утраченные предметы и отреставрировал их. В настоящее время вся церковная утварь объявлена ценностью национального значения.

В 90-х православных в Голландии стало больше, поскольку здесь осела часть советских эмигрантов после распада Советского Союза.

Сейчас в Голландии больше тридцати православных приходов разных юрисдикций. Самая многочисленная юрисдикция – Московский Патриархат. У нас около десятка приходов и монастырей. В одних служба ведется на голландском языке, в других – на церковнославянском. В нашем приходе богослужения ведутся на обоих языках. У нас, к слову, прихожане разных национальностей.

Два слова о приходе святителя Николая Чудотворца в Амстердаме

Нашему приходу, основанному владыкой Сурожским Антонием, недавно исполнилось 45 лет. Расскажу вкратце историю его возникновения.

Одна женщина из Одессы во время войны попала в Голландию. Здесь она вышла замуж за голландца, который принял Православие. Его крестил владыка Антоний. А сестра этой женщины вышла замуж за возвращенца – русского эмигранта, который после войны вернулся в Советский Союз. Раньше он жил в Париже и тесно сотрудничал с видными русскими богословами (он был секретарём Фотиевского братства), и ему разрешили вывести из Парижа в Одессу свою христианскую библиотеку. Он стал работать переводчиком в Московском

Патриархате. И наш будущий отец – Алексий Фоогт, являвшийся мужем одесской дамы, когда посещал Родину жены, там смог ознакомиться с работами богословов и религиозных философов. В Голландии он стал регентом в храме, а затем его рукоположили во диакона. В то время голландцы, русские и сербы как раз основали приход во имя святителя Николая. Сначала священником был серб, но затем сербы организовали свой приход, и в священники рукоположили отца Алексия. Он преподавал русский язык в университете и переводил богослужебные тексты на голландский язык. Приход он организовал по принципам митрополита Сурожского Антония.

Владыка Антоний говорил, что существует некая иерархия ценностей: *«Во-первых, мы – христиане. Во-вторых, мы – православные христиане. В, третьих, у каждого из нас есть свои национальные корни»*. Поэтому в нашем приходе используются два языка. Это позволяет нам сохранять русские корни и русскую духовность и быть открытыми для голландского общества. Одну неделю мы служим преимущественно на церковнославянском, а следующую – на голландском. Апостол и Евангелие всегда читаются на двух языках.

Митрополит Антоний также говорил, что очень важно жить по принципам, принятым на Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Если почитать приходской устав, который был тогда принят, то можно увидеть, что мирянам в приходе отводится очень важная роль. В нашем приходе, например, почти нет платных сотрудников, поскольку мы никаких денег ниоткуда не получаем. Наш приход держится на волонтёрах. Хор, свечная мастерская, воскресная школа – всем этим занимаются волонтёры, которые имеют право голоса при обсуждении вопросов, касающихся деятельности прихода. Хочу отметить, что все важные решения принимаются совместно. Наш архиерей даже благословил, что будет рукополагать только тех, за кого ходатайствует весь приход.

Наш приход довольно многочисленный. Воскресную службу посещает около трёхсот человек, что для Запада очень много. Начинали мы со служб на чердаке католической церкви, затем перешли в бывшую католическую крестильную часовню. Потом мы выкупили бывшую первую церковь пятидесятников в Голландии, а 10 лет назад – бывший католический монастырь с подсобными помещениями.

Мы стараемся быть настоящей церковной общиной. Каждый год на Троицу мы выезжаем на пикник. Ежегодно совершаем приходское паломничество либо снимаем туристическую базу на три дня и вместе проводим время. В нашей общине есть профессора, бывшие мелкие преступники, уборщицы, голландские консерваторы, русские либералы… Община довольно пёстрая, однако её члены неплохо уживаются друг с другом. Во многом это происходит благодаря нашему нынешнему настоятелю – протоиерею Сергию Овсянникову, который служит в Голландии уже 25 лет.

***

Несколько вопросов о. Хильдо

– Отец Хилдо, как Вы, природный голландец, воспринимаете Православие – это действительно Вселенская Церковь для Вас?

– Я коренной голландец, славист по образованию, изучал русский язык, а в Православие пришел лет 20 назад. Прослужил здесь пять лет диаконом, и вот, четыре года как я священник, четвертый священник этого прихода. У нас, по последнему нашему подсчету, больше 20 национальностей на приходе. Мы очень дружим также с представителями других Православных Церквей: с греками, с болгарами, с румынами, с сербами. В Амстердаме нет ни

греческой церкви, ни румынской, ни болгарской, и очень многие из них ходят к нам, мы им очень рады. В клире у нас, кроме настоятеля, отца Сергия Овсянникова, – два священника-голландца, я и отец Серафим, он иеромонах, у него есть еще приход в Германии. А отец Мелетий – он коренной англичанин, уже более 40 лет в священном сане, специалист и по психологии, и по наркозависимости, человек с большими дарами. И у нас два диакона, один голландец и второй, опять-таки, англичанин. И достаточно много тут голландцев, которые, как я, так или иначе связаны с Россией.

Многие из русских, переехавших в Голландию, начинают ходить в церковь, скучая по родине, желая встречаться с соотечественниками, а потом уже понимают, что церковь – это не клуб, это нечто большее. Благодаря нашему настоятелю, очень активная работа с ними проводится: и кружки, и беседы, и встречи. И практически все прихожане прошли воцерковление именно здесь.

– Как же он проходит, этот процесс – от восприятия храма как клуба соотечественников до подлинной духовной жизни?

– Рано или поздно человек, где бы он ни находился, сталкивается с реальными вопросами жизни – страдание, несправедливость, смерть, болезнь, радость. Он понимает, что на первом месте в этой жизни стоит Господь. Что управляю всем не я, и решаю все не я, а Господь Бог. И что мне нужно какое-то место, которое отведено исключительно Ему, место, где я могу делиться с Ним своей скорбью и своей радостью. Это универсально, это свойственно всем людям. Мне кажется, очень хорошо, что здесь, с одной стороны, человек русский найдет такую церковную жизнь, которая ему будет напоминать родину, что здесь он встретит своих соотечественников; в этом нет ничего порочного, но, с другой стороны, эта жизнь в храме позволит ему идти дальше. Идти к Абсолютному, ко встрече с Богом.

Вначале у нас было 10–20 прихожан. Сейчас гораздо больше, но мы пытаемся сохранить дух семьи. Несколько раз в год мы проводим встречи. Например, мы на Троицу всегда выезжаем в парк, на пикник, на Пасху то же самое – разговляемся всей общиной. У нас есть детский лагерь, воскресная школа, мы делаем все возможное, чтобы люди действительно дружили. Конечно, не все могут быть друзьями, но мы составляем живую общину, и для нас это очень важно. И еще важнее, чтобы в этой общине, при всей любви ко всем национальным особенностям, при всем уважении к русской культуре, к другим культурам, самое главное – это Господь.

– Как голландцы приходят к Православию? Догадываюсь, что многие мужчины – следом за русскими женами.

– У нас много смешанных браков, но ситуации бывают очень разные. Одна русская или украинская невеста прямо скажет – либо ты примешь Православие, либо я с тобой венчаться не буду. А иногда бывает иначе: муж-голландец просто сопровождает свою русскую супругу, и видит, и понимает, что для него тоже есть здесь место, что он здесь не чужой, что это не какой-то клуб каких-то непонятных людей, которым до него нет дела. Мы здесь рады неверующим мужьям, если они приходят к вере, мы им помогаем, беседуем с ними, разъясняем сущность нашей веры и Церкви. Но есть также и такие голландцы, которые совершенно самостоятельно пришли к Православию, кто-то через иконопись, кто-то через пение, кто-то через изучение богословия. У нас есть один прихожанин, уже пожилой, который изучил все христианские конфессии и сделал заключение, что Православие ближе всего к первоначальному чистому христианству. А кто-то ничего не изучал, просто с улицы вошел и влюбился. Мы не выходим активно на миссионерство, но наши двери открыты.

В Амстердаме каждый год проводится так называемая Ночь церквей, и разные храмы в городе открывают свои двери, люди могут присутствовать на службах, организуются экскурсии, беседы. Мы тоже в этом участвуем, открываем свои двери, и кто-то интересуется, и тому, кто заинтересовался, обязательно надо помочь. Заниматься с ним необходимо и до того, как он сознательно примет Православие, и после – потому что Православие коренным образом отличается и от кальвинизма, и от католицизма, и просто так человека принять и все оставить на волю Божию нельзя.

– Голландцы – протестанты и традиционно хорошо знают Библию. Это помогает им открывать для себя Православие?

– Да, при всех, может быть, своих других доктринальных ошибках – Библию они знают хорошо. И это помогает им понимать, помогает полюбить православное богослужение. Наши певчие, бывшие протестанты, сразу узнают ветхозаветные корни всех наших церковных песнопений.

– Какие трудности испытывает Православная Церковь в Голландии?

– Я бы не сказал, что у нас есть особенные внешние трудности. Я думаю, что главная трудность нашей эпохи – это то, что окружающая нас культура, она, конечно, полностью посвящена деньгам и человеческому «эго». Лучшим примером для меня является рекламная кампания L'Oreal, где говорится: «Ты этого достойна». И когда Церковь говорит о самоограничении, о самопожертвовании, о посте, о том, что центром нашей жизни должен быть Господь, а не я, – она идет совершенно против течения. Для молитвенной жизни самое главное – уметь сосредоточиться, и когда в руках наших детей каждую минуту какой-то гаджет, айпад, айфон, какая-то компьютерная игрушка, которая на самом деле лишает ребенка этой способности сосредоточиться, – это трудно. Но я часто бываю в России, я знаю, что в России такая же сложность. Нельзя ведь спрятаться, и ребенка нельзя спрятать в какой-то закрытой православной среде от всего, что происходит. В Голландии есть очень консервативные протестантские круги, есть люди, которые живут в своих деревнях, у них свои школы. Но я сам был свидетелем того, как эти молодые люди потом поступают в институт, впервые сталкиваются со свободой и не могут этой свободой распоряжаться, просто не справляются с ней. Поэтому простых рецептов жизни для нас нет, но, слава Богу, в Голландии нам дают все права, все возможности. Вот мы сегодня вышли с крестным ходом на улицу, это допускается, даже поощряется. Городские власти к нам очень хорошо относятся. Особой помощи нет, но и никаких препятствий они нам не чинят.

– Православная Церковь в Голландии противостоит явлениям, с точки зрения христианства неприемлемым, выражает свою позицию?

– Исторически в Голландии были очень сильные христианские политические партии, но в связи с расхристианизацией общества они теряют свое влияние. Если бы это было не так, нам можно было бы прятаться за спиной этих крупных христианских партий и не поднимать своего голоса. При этом я не исключаю: может наступить момент, когда общество выставит нам, православным, неприемлемые для нас требования. Что мы сделаем, если нам вдруг скажут, что наше неприятие однополых браков, любых однополых сношений – это нетолерантно? Если нам скажут: то, что вы не допускаете их к Причастию, – это дискриминация? Тогда возникнет интересная ситуация, и тогда, возможно, от нас потребуется гражданское непослушание. Но я не думаю, что до этого дойдет, потому что в Голландии всегда уважали внутреннюю свободу религиозной общины, на этой почве Голландия возникла. Наше государство родилось, когда стали преследовать протестантов. И тогда жители сказали: «Нет! Все должны быть свободными, все должны жить по своим убеждениям». Любая конфессия в Голландии может создавать свои школы, и эти школы будут финансироваться государством. Поэтому я не думаю,

что до этого дойдет. Но, конечно, христиане в какой-то мере являются в современном обществе исключением.

– Какие черты голландского характера наилучшим образом раскрываются в Православии, а какие, напротив, препятствуют воцерковлению?

– В голландцах замечательна прямота, иногда она воспринимается как грубость: голландец всегда прямо в лоб говорит то, что он думает. Простота: вопрос потери лица вообще не стоит, человек не боится показаться смешным, понимает и принимает шутку, спокойно относится к критике. Это положительные черты. Но, когда человек приходит в Православие, перед ним всегда встает вопрос: какие элементы моей культуры и моего прошлого я могу взять с собой, в Православие? Какие из них я должен преобразить, очистить, обновить? И что я должен навсегда оставить за порогом Церкви? И мне кажется, есть у нас, голландцев, вещи, которые надо оставить. Например, рационализм, уверенность в том, что все вопросы можно решить человеческим рассудком. Легализация однополых браков – это пример голландской последовательности. Еще один пример – легализация проституции. Если искоренить проституцию нельзя, нереально, давайте легализуем. Все это будет под надзором властей, будут платить налоги и т. д. Но это же сфера, которая по своей природе греховна, и она не может быть полезной. В итоге этим бизнесом все равно владеют преступные сферы, никакая легализация не помогла. Голландцы иногда не понимают, что нравственность не только в голове; что понятия о добре и зле не вмещаются в статью закона. Православие учит нас тому, что нельзя все измерить рассудком, что есть безусловные нравственные запреты, которые идут от Бога, и человек не может их отменять.

– Отец Хилдо, а почему Вы приняли Православие, как это произошло в Вашей жизни?

– Я всегда был верующим. Мой дедушка был пастором. Моя мать оставила Церковь, как часто бывает с детьми духовенства, но не потеряла веру. Просто меня не воспитала в Церкви. Еще у меня была тетя, которая какими-то интересными путями столкнулась со схиархимандритом Софронием (Сахаровым) в Англии. У меня хранится детский рисунок – два православных монаха. Не помню уже как, но это вошло в мое детство. Всегда был интерес к храмам, особенно тем, что на юге Европы, католическим храмам, расписанным. В кальвинизме я себя не узнавал. И меня привело к Православию, наверное, то, что я видел в фильмах Андрея Тарковского – открытость к тайне, открытость к красоте, но красоте не человеческой, а Божественной. Ну, и события жизни. Я несколько раз столкнулся со смертью. Сам несколько раз почти погиб, мои друзья погибали, в горах. Это заставляет думать. После лицея я выбрал славистику и русский язык – достаточно интуитивно, но тоже благодаря фильмам Тарковского. Встретился с верующими людьми. И быстро понял, что принятие Православия – это для меня естественный шаг. А потом, уже гораздо позднее, я понял, что больше всего меня привлекает – отношение к человеку. В кальвинизме очень мрачное восприятие человека: мы уже предопределены – кто-то спасется, а кто-то нет, Бог наверху, за облаками, Он карающий, Он грозный, а мы ничего делать не можем. Это очень мрачная картина. И потом, религиозность в кальвинизме воспринимается исключительно как нечто невещественное. А придя в Православие, я понял, что Бог присутствует во всем, что в нашем взаимодействии с Богом, в устроении нашего спасения участвуют и тело, и ум, и душа. Это всеобъемлющее качество Бога было очень важно. Но тогда я это понял интуитивно, бессознательно. А умом гораздо позднее. И тогда же понял: для того, чтобы стать православным, мне не нужно превратиться в русского мужика, что при всей моей любви к России я тоже остаюсь голландцем. Вот, как я уже сказал: беру то, что нужно взять, и оставляю то, что надо оставить, и так процесс идет. И, слава Богу, у меня жена, воспитанная в церковной среде, я, скажем так, извне получил, а она изнутри.

Источник: сетевое издание «Православие в Татарстане» / информационно-аналитический

портал «Православие и современность»

---

[1] Священник Димитрий Клепинин, 14 апреля 1904, Пятигорск, Терская область – 9 февраля 1944, концлагерь Бухенвальд, Германия.